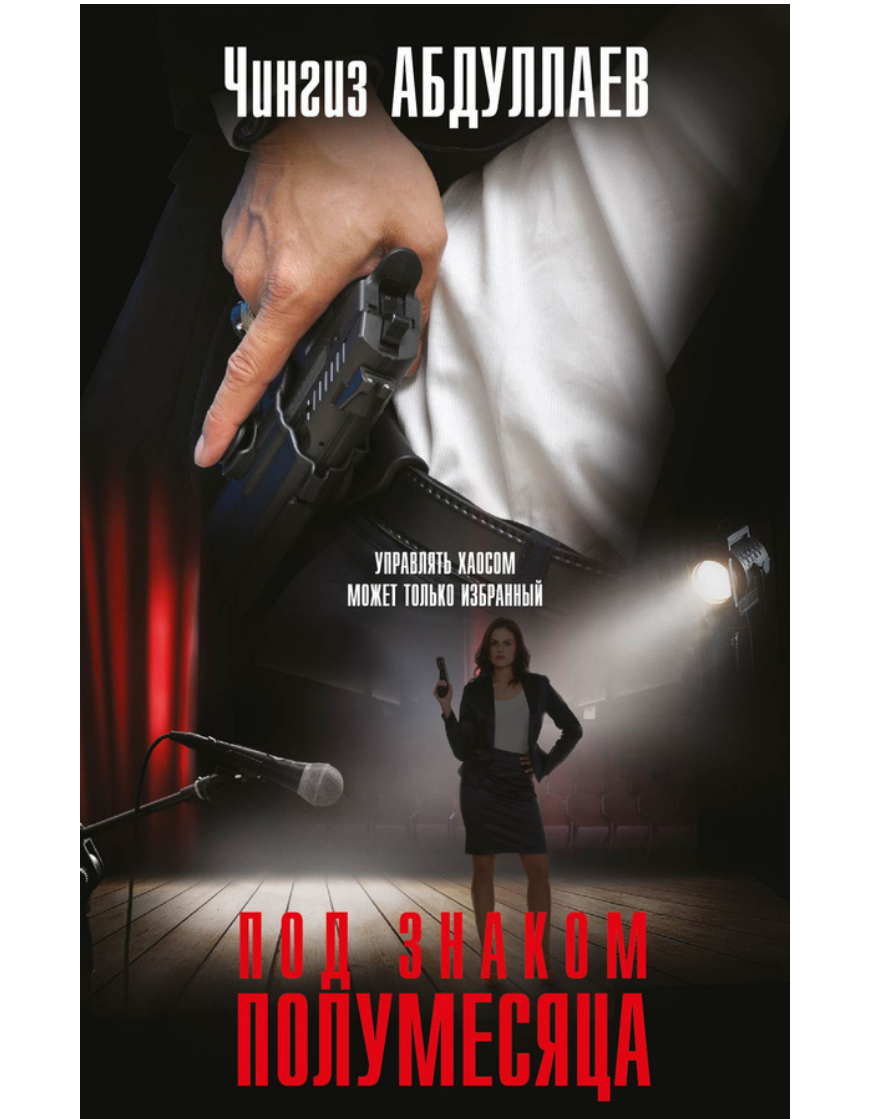

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

УПРАВЛЯТЬ ХАОСОМ
МОЖЕТ ТОЛЬКО ИЗБРАННЫЙ

ПОД ЗНАКОМ ПОЛУМЕСЯЦА

Чингиз Акифович Абдуллаев

Под знаком полумесяца

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4998538

Чингиз Абдуллаев. Под знаком полумесяца: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-63199-5

Аннотация

Сотруднице могущественной силовой структуры Алиевой поручено обеспечить безопасность международного конкурса «Евровидение», который пройдет в Баку. За несколько дней до конкурса Алиева получает информацию о готовящемся теракте. Принимаются беспрецедентные меры безопасности: в группу Алиевой направлены лучшие спецагенты, охрана всех «конкурсных объектов» усилена. И все вроде бы под контролем. Но внезапно отлаженная система безопасности начинает рушиться: один из агентов погибает, второй бесследно исчезает, третьего пытаются убить. Алиева делает все возможное, чтобы урегулировать ситуацию, но в итоге сама попадает в западню: за считанные дни до конкурса ее похищают неизвестные...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	44
Глава 5	58
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Чингиз Абдуллаев

Под знаком полумесяца

*Быть вполне искренней для женщины – то же,
что оказаться на людях без платья.*

Стендаль

*Правда всегда бывает странной. Гораздо более
странный, чем вымысел.*

Джордж Ноэл Гордон Байрон

Глава 1

Он держит нас всех под прицелом пистолета. Этот мерзавец уверен в своих силах. Нужно видеть, с каким чувством собственного превосходства он смотрит на нас. Ему кажется, что они все тщательно продумали и приготовили для этого необычного захвата. Рядом находится его напарник, у которого в руках тоже есть с собой оружие, хотя в отличие от первого из бандитов, он его особенно не демонстрирует. Но все равно это очень страшно. Двое вооруженных мужчин на группу перепуганных женщин и детей в помещении детского сада. Я еще раз осматриваю нашу комнату. Четыре перепуганные женщины и шестнадцать детей дошкольного возраста. И никаких шансов на спасение. Эти двое бандитов за-

хватали нас, ворвавшись в детский сад в то время, когда сюда обычно приезжали родители. Как раз к вечеру, когда дежуривший у детского сада сотрудник полиции, куда-то отлучился. И как раз в это время, по «закону подлости» или наоборот, по понятным мотивам самих бандитов, появилась эта «сладкая парочка». Они ворвались в детский сад, ударив по голове мужчину, зашедшего сюда за своей дочкой. Мужчине было около сорока лет. Он упал на пол... Хотелось верить, что они его не убили... Посмотреть, что с ним случилось, нам просто не разрешили. Самое страшное, что все это увидела его дочка, которая вскрикнула и заплакала. Но нападавших не взволновали чувства ребенка, на глазах у которого они свалили ее отца. Эти мерзавцы собрали всех оставшихся в детском саду, чтобы иметь подходящее число заложников. Потом они затолкали нас в большую угловую комнату с двумя окнами, выходившими во двор, и забаррикадировали дверь. На окнах в этой комнате крепкие решетки, маленький двор просматривается как на ладони. Здесь просто невозможно появиться незамеченным. У спецназа не было никакой возможности проникнуть в нашу комнату со стороны двора. Даже если бы решетки на окнах были распахнуты настежь. Двор слишком хорошо просматривается. А нас всего четыре женщины...

Заведующая, полная, лет пятидесяти, страдающая сахарным диабетом и повышенным давлением. Она хватает воздух губами, и я все время боюсь, что она потеряет созна-

ние. Повариха детского садика, еще более полная и с меньшим количеством недугов... Она бормочет какие-то слова и не скрывает своего страха. Молодая воспитательница, только недавно принятая на работу. Хорошенькая... Ей не больше двадцати пяти лет, и один из нападавших уже несколько раз похотливо посмотрел в ее сторону, всем своим видом показывая, что находящиеся в комнате люди полностью в его власти, и он решает кому жить, а кому умереть... И наконец я, молодая женщина, которой только недавно исполнилось тридцать лет и которая по воле случая или судьбы оказалась в этом детском саду. По официальным документам я представитель районного отдела здравоохранения и проверяю соблюдение санитарных норм в детском саду: в пищеблоке и в спальнях комнатах. Хотя везде очень чисто, но было заметно, как мое появление нервировало всех сотрудников детского сада. И еще с нами шестнадцать потрясенных, испуганных, заплаканных детей в возрасте от трех до шести лет.

Конечно, теперь эти двое будут выдвигать свои требования. И наверняка они продумали это нападение в деталях, иначе не стали бы сразу собирать нас именно в этой комнате... Ее словно специально придумали, чтобы именно здесь, в этой комнате, можно было держать заложников, не опасаясь нападения спецназа. Оборонять весь детский сад было бы невозможно и неразумно, именно поэтому выбрано удобное место для того, чтобы отсидеться с детьми до завтрашне-

го дня. Им нужно выиграть время, только сутки, чтобы правительство дало согласие на освобождение и отъезд находящегося под следствием главаря их группировки. Собственно, напавшие бандиты почти ничем не рискуют. Как только освободят их главаря, они спокойно могут сдать властям. Даже получив по десять или пятнадцать лет тюрьмы, они станут очень богатыми людьми. И не факт, что просидят весь срок в колонии. Хорошо оплаченные адвокаты могут существенно скосить им срок, а потом эти двое молодых негодяев выйдут на свободу. Уже миллионерами, в этом можно не сомневаться. И если здесь не произойдет ничего неожиданного и все останутся в живых, то и наказание обоим будет не столь суровым. Поэтому не в их интересах убивать кого-то из детей, существенно увеличивая срок своего возможного тюремного заключения.

Хотя, по большому счету, им ничего страшного не грозит. Ведь в европейских странах уже давно отменили смертную казнь, и теперь даже если они перестреляют всех шестнадцать детей заодно с нами, им дадут только пожизненное заключение, которое всегда можно будет обжаловать в будущем. Хотя про «все европейские страны» не совсем точно. В Белоруссии не отменили смертной казни и не ввели на него мораторий. Именно поэтому двух террористов, устроивших взрыв в Минском метро, приговорили к высшей мере наказания. Президент отказался их помиловать – террористов расстреляли. И я считаю, что сделали абсолютно пра-

вильно. За подобные преступления нужно беспощадно наказывать. Самое страшное, что это были террористы-любители, не выдвигавшие никаких политических или иных требований. Просто решили таким необычным образом «позабавиться». И количество психопатов увеличивается во всем мире с каждым днем. Почему они пошли на подобное варварство? Именно потому, что за предыдущие два взрыва, которые они устроили, не понесли наказания, и таким образом породили у преступников синдром безнаказанности.

Девочка, отца которой ударили у нее на глазах, впала в какой-то ступор. Боюсь, что у нее шок, молодая воспитательница пытается с ней разговаривать. Но девочка не реагирует на ее призывы. Она сидит в углу и не отвечает даже на вопросы своей подруги. Только этого не хватало. Один из бандитов переговаривается с кем-то по мобильному телефону. Странно, что он не боится говорить по мобильному. Должен понимать, что с этой минуты все его разговоры будут зафиксированы и все связи будут проверяться по нескольку раз. Значит, он делает это сознательно, возможно, звонит кому-то из своих сообщников, которые должны сообщить в полицию о захвате детского сада с заложниками. Скоро здесь появятся и официальные переговорщики. Они попытаются уговорить бандитов сдаться, будут тянуть время, чтобы оперативники начали изучать обстановку, заранее понимая, что штурм абсолютно невозможен и очень опасен, начнут делать мелкие уступки, привезут воду, еду, лекарства,

будут искать родственников бандитов, чтобы те уговорили негодаев сдаться. В общем, все будет как обычно. А дети будут еще сутки или двое находиться в этом тесном, душном помещении, под прессингом страха и беспомощности. И в лучшем случае выйдут отсюда только через день или через два, когда правительство решит выпустить из следственного изолятора главаря этих подонков.

Собственно, все давно знали, что нечто подобное готовится. Именно поэтому у каждого детского сада, у каждой школы в городе были выставлены скрытые посты и засады. А этот детский сад, находившийся напротив здания районной полиции, казался самым безопасным... Наверное, поэтому дежуривший сотрудник полиции так спокойно отлучился... Но преступники все рассчитали правильно и решили захватить именно этот детский сад, где их, думали, никто не ждал. Полицейским начальникам и в голову не могло прийти, что бандиты рискнут захватить детский сад, который располагался в самом центре города, буквально по соседству с отделом полиции, где находилось больше ста пятидесяти вооруженных полицейских. Но именно так все и произошло. По тому самому «закону подлости», о котором я говорила. Собственно, англичане называют этот закон «законом щельности». Шарик, упавший на пол, обязательно закатится в единственную щель, которая имеется в полу. На русском языке это называют «законом бутерброда», когда бутерброд, намазанный маслом, обязательно падает на пол маслом вниз. Все так.

За исключением одной небольшой детали. Анализ ситуации провели не только в Министерстве внутренних дел, но и в Министерстве национальной безопасности. Хотя вполне возможно, что это был не тщательный анализ, на который обычно ссылаются в подобных случаях, не гениальное предвидение наших генералов, о котором они сами так любят говорить, и не успешная работа наших аналитиков, которые рассчитали возможное появление бандитов в определенных местах. А банальное сообщение кого-то из агентов, внедренных в это преступное сообщество. Собственно, почти все преступления раскрываются и предотвращаются именно благодаря агентуре уголовного розыска или контразведки. Но об этом не принято ни говорить, ни писать. Этих агентов как будто нет и гораздо интереснее читать о гениальных сыщиках, раскрывающих преступления силой своего интеллекта и таланта, чем об обычных «стукачах», с помощью которых не только раскрывается, но и предотвращается множество преступлений. Кому нужны оперативные работники без надлежащей агентуры? Но подобные слова вы не прочтете ни в одной детективной книге, об агентах просто не принято писать. Гораздо удобнее рассказывать о чужих шпионах и наших разведчиках, чем о сотнях сотрудников полиции, внедренных в преступные сообщества, или о тысячах уголовников, которые поставляют информацию своим «кураторам». А ведь офицеры полиции, работающие среди преступников, гораздо больше герои, чем любой из со-

временных разведчиков. Хотя бы потому, что разведчиков при задержании помещают в хорошую современную тюрьму, показательно судят, с участием лучших адвокатов, делающих себе имя на подобных процессах, и еще чаще обменивают на других разведчиков. Тогда как участь разоблаченных сотрудников полиции бывает страшной. Невозможно даже представить, через какие страдания и боль им приходится проходить, прежде чем умереть. И безо всякой надежды даже на нормальные похороны, потому что труп в большинстве случаев никогда не будет найден.

Говоря об этом, имею в виду и собственную судьбу. Конечно, я оказалась в этом райотделе не случайно. И конечно, никто даже не догадывается, почему именно я сидела здесь уже третий день, якобы проверяя санитарное состояние детского сада, чем вызывала дикое раздражение заведующей, уже несколько раз намекающей мне, что она готова «отблагодарить» за мою работу и избавить меня от дальнейшей проверки. Но я, конечно, делала вид, что ничего не понимаю и не хочу понимать. Откуда ей было знать, что у меня в сумочке лежат пистолет и электрошокер. Таким образом эти двое, так внезапно появившиеся в детском саду, даже не подозревали, что их уже ждут.

Расслабившись, один из бандитов убирает оружие в кобуру, которая находится у него под мышкой, и подходит к окну, чтобы осмотреть небольшой двор. Второй продолжает похотливо смотреть на молодую воспитательницу, обли-

зывая губы. На мой взгляд, у нее слишком короткая юбка для работницы детского сада. Этот второй явно сожалеет, что они заперлись в одной комнате, он хотел бы оказаться с молодой воспитательницей где-нибудь в другом месте. Я даже начинаю постепенно ревновать. Мне становится немного обидно. Конечно, я не ношу такой короткой юбки и у меня не такие длинные волосы, но он мог бы хотя бы иногда смотреть и в мою сторону. Все-таки нас здесь двое – молодых женщин, и я выгляжу совсем не хуже... У меня хорошая фигура, упругая грудь и в свои тридцать с небольшим я выгляжу вполне достойно. Или это мне только так кажется? Не знаю, но его похотливый взгляд меня нервирует. И еще то, как он облизывает свои полные губы.

Первый продолжает смотреть в окно, изучая обстановку. Лучшей возможности у меня больше не будет. Нужно не только обезвредить обоих бандитов, но и сделать это так, чтобы не испугать детей. Задача практически невыполнимая, если учесть, что мы заперты в одной комнате. Она достаточно большая, что затруднит быстрое передвижение от одного бандита к другому. И достаточно небольшая, чтобы гарантированно обезопасить детей и женщин, собранных в другом углу от случайных выстрелов этих подонков. Помому, это самое последнее дело – вот так отыгрываться на детях. Вмешивать их в наши взрослые игры. Хотя после случившегося в Беслане уже ничему не удивляешься. Помните, какая невероятная трагедия там произошла? И как много

детей погибло. Не сомневаюсь, что нападавшие абсолютно виноваты в том, что произошло. Но когда власть допускает такое количество убитых в мирное время, когда гибнут сотни детей, то должны приниматься как минимум административные меры. Хотя бы из чувства самоуважения или по долгу чести министр внутренних дел и руководитель службы безопасности должны уходить в отставку. Не говоря уже о руководителях местных. Но в наше время чиновники предпочитают жертвовать сотнями жизней детей, чем собственными креслами.

От первого бандита до второго расстояние в пять или шесть шагов. Если действовать быстро, то можно все успеть. Нужно только воспользоваться ситуацией, когда первый смотрит в окно. Именно в этот момент.

Поэтому я поднимаюсь с пола и подхожу ко второму бандиту. Сумочка у меня в руках. Пусть на секунду оторвется от созерцания красивых ножек нашей молодой воспитательницы. Он поворачивает голову и наконец смотрит на меня. Он спокоен, ведь в комнате нет никого, кроме четырех перепуганных женщин и шестнадцати детей. Я подхожу к нему близко, очень близко, совсем близко. Самое главное, ничего не говорить, чтобы первый из бандитов не повернул голову. Поэтому я показываю на свою сумочку, словно хочу что-то достать и от страха не могу даже открыть защелку замка. У него на лице улыбка превосходства. Он понимает, что не только сильнее меня, но у него есть еще и оружие, а за моей

спиной стоит его вооруженный напарник. И его невозможно испугать.

Кажется, ему даже нравится, что я подошла к нему так близко.

– Чего тебе? – наконец спрашивает он.

– Хочу показать вам свой телефон, – тихо поясняю я ему. Первый, стоящий у окна, поворачивает голову в нашу сторону и снова отворачивается. Он тоже не подозревает ничего плохого. Но, конечно, мне не следовало ничего говорить. Это небольшая ошибка, теперь стоящий у окна может повернуться в любой момент. И у меня не останется времени, чтобы вплотную подойти к нему. Расстояние, правда, небольшое, только несколько шагов. Если он даже повернется и будет некоторое время осмысливать, что именно произошло, то я успею подойти к нему достаточно близко. Я все-таки справляюсь с замком, раскрываю сумочку и, улыбаясь, достаю электрошокер. Бандит даже не успевает понять, что именно происходит. Я резко прикасаюсь к его шее и даю разряд. Он, дернувшись, падает на пол. Падает на пол с таким шумом, словно это мешок металлолома, а не обычный человек. Я не успеваю подхватить его под руки. Разумеется, я бы его удержала. Но у меня в одной руке сумочка, а в другой электрошокер. И он с таким грохотом падает на пол. Потом я поняла, в чем дело. Он был напичкан оружием. Два пистолета и две гранаты, нож... И все это шумит и грохочет.

И почти сразу его напарник снова поворачивает голову и

смотрит на нас. Вот этого я и боялась больше всего. У меня нет времени на мои пять шагов, отделяющих двух мужчин друг от друга.

Но какая хорошая реакция у этого типа. Он обернулся практически мгновенно. Уже позже я узнала, что он раньше служил в десантных войсках. Одна секунда, чтобы обернуться. Еще две секунды оценить положение, увидев своего напарника на полу. И четвертая секунда, чтобы достать свой пистолет. Четыре секунды. Почти идеальная машина для убийства. Но думал он слишком долго. Две секунды, чтобы оценить обстановку, это слишком много. Я, конечно, понимаю, что он был удивлен, когда увидел своего друга лежащим на полу. И не сразу понял, что именно происходит. Но две секунды на размышление – это все-таки слишком долго. Теперь вы можете легко подсчитать. Ровно через четыре секунды у него в руках был пистолет. Ну а мне понадобилось только три секунды, чтобы достать свое оружие из сумочки. Первая секунда, когда он обернулся, я поднимаю уже открытую сумочку, вторая – достаю пистолет. Третья – выпускаю из рук сумочку. И стреляю в него как раз в тот самый момент, когда в руках у него оказывается пистолет. Первый выстрел отбрасывает его к окну. Второй, третий. Подхожу ближе. У него уже кровавые пузыри на губах. За спиной слышу крики и плач, резко оборачиваюсь. Я совсем забыла про женщин и детей. Но в этом случае выбирать не приходилось. У меня была в запасе только одна лишняя секунда. Зато пер-

вый лежит на полу целый и невредимый, хотя и без сознания, что и требовалось сделать.

Я достаю свой телефон и коротко докладываю о случившемся. Ко мне подходит насмерть перепуганная заведующая.

– Доктор, – говорит она мне, – хорошо, что у вас был пистолет. – А у вас есть разрешение на его хранение?

Она еще ничего не поняла.

– Нет. Я случайно взяла пистолет своего соседа, – отвечаю я этой дуре и устало улыбаюсь. Кажется, все прошло как нельзя лучше. Оба нападавших обезврежены и одного даже удалось оставить в живых. Теперь лет пятнадцать или двадцать он будет любоваться коленками своих товарищей по камере. Но при одной мысли, что скажет мой непосредственный начальник – полковник Кафаров, у меня портится настроение. Конечно, стрелять в присутствии детей было глупой и непростительной ошибкой. Но как я могла поступить иначе? Нужно было действовать быстро и решительно. Лучше даже не думать о том, что именно скажет Кафаров. Я знаю его уже почти десять лет и могу поспорить, что он будет очень недоволен. Хотя одного мне все-таки удалось взять живым. Но в нашем ведомстве редко благодарят...

Глава 2

Меня зовут Кеклик. У нас это довольно распространенное имя. Хотя на самом деле так называется куропатка. Каменная куропатка, как сказано в энциклопедиях. Но это довольно симпатичные птички и поэтому подобное имя прижилось у нас и им часто называют девочек. Вот и меня в детстве отец назвал куропаточкой. И я стала Кеклик Алиева, именно на эти имя и фамилию были выписаны мои документы в семьдесят шестом году, когда я родилась. У нас в Азербайджане фамилия Алиевых не просто самая распространенная. Можно смело сказать, что в России все Ивановы, Петровы и Сидоровы в общей массе составляют гораздо меньший процент от числа общих русских фамилий, чем Алиевы в Азербайджане. Это связано с религией, при которой особо почитался имам Али, зять Пророка, женатый на его дочери. И конечно, его сын Гусейн, внук Пророка, умерщвленный врагами и почитаемый мусульманами-шиитами как истинный наследник Мухаммеда. Именно поэтому после Алиевых у нас больше всего Гусейновых и Мамедовых. Ну а потом идут фамилии – Бабаевых и Абдуллаевых, что тоже понятно. В первом случае «баба» (ударение на втором слоге) – это отец или дед, смотря на каком из тюркских языков вы это говорите, а во втором – так звали отца Пророка. Вот и получается, что почти все самые распространенные фамилии в Азербайджане так

или иначе связаны с религией. Наверное, ничего иного и не могло быть, учитывая, что мусульманство пришло на земли Азербайджана вместе с арабами еще в девятом веке нашей эры. А шиизм вообще господствующая религия в Иране и Азербайджане, что тоже связано с нашей историей и культурой.

Мой отец – Надир Агаевич Алиев, работал нефтяником на промыслах, был мастером, затем заместителем руководителя нефтегазодобывающего управления, имел ордена и медали, даже избирался депутатом городского совета два раза. Ему было уже за сорок, когда я родилась. Моя мать была на восемь лет его младше. Когда они познакомились и поженились, ей было только двадцать четыре, а ему уже тридцать два. Сначала родились двое моих старших братьев – Мансур и Расул. А еще через несколько лет родилась и я. Мансуру было уже восемь, а Расулу шесть, когда я появилась на свет. Родители хотели девочку и получили вот такой своеобразный подарок уже в достаточно зрелом возрасте. Нужно ли говорить, как сильно они радовались и какое особое положение в семье я заняла с самого рождения. Отцу к этому времени было больше сорока, а матери соответственно тридцать три года. Мама у меня была учительницей русского языка и литературы. Имея троих детей, которых она растила, мама продолжала преподавать, благо школа, где она работала всю жизнь, располагалась по соседству. Зибейда Бабаева, так звали мою маму, из большой многодетной бакинской се-

мьи. Все ее родственники были родом из Мардакян, это дачный пригород Баку, куда многие бакинцы выезжают на лето отдыхать. А отец родом из Нардарана. Это уже другой поселок Баку. Понятно, что родители у меня коренные бакинцы, и я тоже бакинка. У нас традиционно считается, что самые религиозные люди – выходцы из Нардарана, хотя по моему отцу этого не скажешь. Но зато мой дед, его отец, был «Мешади», еще в сороковые годы, во время иранской революции, сумевший посетить Мешхед в Иране и стать «Мешади», что в те годы было практически невысказуемо. Может, поэтому его и его детей в Нардаране особенно уважали и до сих пор помнят Мешади Агу, который сумел в советское время совершить паломничество в Мешхед. В Мекку или в Кербелу в те годы попасть было просто невозможно.

В семь лет меня повели в школу, которую уже оканчивал мой старший брат и в которой учился другой брат. Эта была та самая школа, где преподавала моя мама, которая стала и моей учительницей. Более того, даже классным руководителем. Не скажу, что это было легко. Мама была требовательным педагогом и никаких поблажек я от нее не получала. Да я на них и не рассчитывала. Училась я неплохо, хотя иногда получала и тройки. Но гораздо чаще – четверки и пятерки. В школе я была непоседой и даже хулиганистой особой, которую боялись все мальчишки нашего класса. Во-первых, у меня была такая мощная поддержка в лице старших братьев, которые могли наказать любого, кто посмел меня обидеть.

Во-вторых, мама была нашим классным руководителем. Но честно признаюсь, что я не пользовалась ни помощью братьев, ни покровительством своей мамы. Я старательно зарабатывала свой авторитет и беспощадно дралась с мальчишками, когда нужно было отстоять свою позицию. Мама иногда называла меня «третьим сыном». Я несколько раз приходила домой с синяками и ссадинами. Но на все вопросы братьев и родителей упрямо твердила, что упала, и никогда не называла имен тех, с кем дралась.

Постепенно обстановка вокруг менялась. В восемьдесят седьмом меня еще успели торжественно принять в пионеры. Помню, как я радовалась, когда мне повязали пионерский галстук. Можете не поверить, но в девяносто первом меня даже успели принять в комсомол. Я помню, какие слова говорили тогда о верности идеалам коммунизма, о заветах старших товарищей. Штапованные фразы, которые к тому времени вызывали только смех. Но комсомольским начальникам нужно было делать карьеру, и они старались. Интересно, что к моменту распада страны в ней было почти двадцать миллионов коммунистов и в два с лишним раза больше комсомольцев. Такая большая армия людей, на словах готовых умереть за свои идеалы. И никто не умер. За исключением нескольких порядочных людей, которые просто покончили с собой. Остальные быстро перекрасились, поменяли взгляды и очень неплохо устроились в жизни. Это я к слову о человеческом постоянстве. И немного о совести.

В конце восьмидесятых начались различные потрясения, почти все ребята бегали на митинги, которые ежедневно проходили в центре города. Армянская община Нагорного Карабаха потребовала выхода области из состава Азербайджана и передачи ее в состав Армении. Началось противостояние двух республик, двух соседних народов, трагические события в Сумгаите и в Баку. Ради справедливости скажу, что первыми жертвами были двое азербайджанцев в самом Карабахе. Ну а позже уже по цепочке. Погромы с обеих сторон. Наши соседи в ответ взяли штурмом наш город Ходжалы, уничтожив более шестисот мирных жителей, и захватили Шушу, бывшую столицу Карабахского ханства. И война вспыхнула с новой силой. В девяносто первом произошел распад СССР, потом у нас в течение двух лет менялось пятеро руководителей республики. И наконец в девяносто третьем, когда в Баку к власти вернулся Гейдар Алиев, я как раз окончила среднюю школу. Вот такая бурная была у меня юность. Начинала учиться в советской школе, а окончила уже в школе независимого Азербайджана. И еще, несмотря на все эти тектонические потрясения, успела сдать нормативы мастера спорта по гимнастике. Мне это потом очень пригодилось в жизни, хотя кто мог подумать о том, что произойдет с нашей страной, когда в восемьдесят третьем я пошла в школу, а через год начала заниматься гимнастикой. Правда, события конца восьмидесятых и начала девяностых все-таки сказались и на моей спортивной карьере. В Баку вы-

ступать мне разрешали, а вот выезжать на сборы в Волгоград или для выступления в Воронеж меня уже не пускали родители. Думаю, что на их месте я поступила бы точно так же. К тому же выяснилось, что наши девочки просидели в Воронеже лишние два дня на вокзале, пока им наконец не дали автобус для возвращения назад. В девяносто первом все уже разваливалось так стремительно и быстро, что в этом не было ничего удивительного.

В следующем году погиб мой старший брат Мансур, он сражался в составе батальона добровольцев в Шуше. Мать буквально почернела от горя. У отца начались проблемы с сердцем. Другой брат тоже сражался, и родители теперь особенно переживали за него. Я поступила в педагогический университет, решив выбрать мамину профессию. Эти пять лет были тоже наполнены всякими событиями, среди которых были попытки вооруженных мятежей, противостояние ОМОНа с центральной властью, отстранение спикера и премьера от власти и много разных других потрясений. В девяносто восьмом, когда я оканчивала университет, положение уже стабилизировалось и теперь можно было относительно спокойно гулять по улицам городов, ничего не опасаясь.

В девяносто девятом в нашем доме появились сваты. Мне было уже двадцать три года, по местным меркам, почти критический возраст. Все попытки моих родственников выдать меня замуж за моего двоюродного брата Рауфа, сына брата моего отца, наталкивались на решительное противодействие

моей матери. Не говоря уже обо мне, я его терпеть не могла с самого детства. Он был ниже меня на целую голову.

Мне всегда казались противоестественными подобные браки, хотя у нас они были достаточно распространены. В королевских семьях Европы это случалось достаточно часто, когда кузен и кузина сочетались династическими браками, но в наше время и с такими последствиями? Моя мама и я прекрасно знали, какие ужасные генетические сбои бывают при подобных родственных браках, и поэтому решительно отказывали родственникам, часто намекающим на возможности подобного брака. Самое обидное, что все знают об ужасных генетических сбоях, и в Баку даже открыли большой центр, занимающийся изучением таллессемии, но подобные родственные браки между двоюродными братьями и сестрами по-прежнему разрешены.

И... Вместо моего двоюродного брата со стороны отца меня решили выдать за сына друга моего дяди. Его отец к этому времени уже стал довольно состоятельным, работал в налоговой службе и был очень уважаемым человеком. У нас всегда так: сначала должность, потом производные от этой должности — деньги, ну и затем всеобщее уважение и почет. Поэтому все наши чиновники так боятся потерять свои должности. Без руководящего кресла ты ничто. Нуль без палочки. Человек, потерявший связи, сразу теряет друзей, которые навсегда забывают о тебе. И все твои частные клиники, магазины, рестораны, сауны и другие подобные заведе-

ния сразу попадают под пристальное внимание всех служб города – налоговых, санитарных, ревизионных, финансовых, контролирующих, в общем, тебе сразу дают понять, что теперь из тебя будут трясти все деньги, которые ты раньше так несправедливо зарабатывал и не хотел ими делиться. Происходит своего рода перераспределение. Такой своеобразный закон нашей эволюции. «Каждый имеет то, что охраняет». По-моему, эта фраза Жванецкого. Ну а когда тебя увольняют с должности, то «охранять» поручают другим людям, которые, в числе прочих забав, считают своим долгом вытрясти твои деньги.

В общем, нас познакомили. Мне понравилось, что мой будущий муж был хотя бы высокого роста. У нас с этим тоже большая проблема. Это потомки викингов или литовцы бывают высокого роста, а мы потомки степных народов. У нас гигант на коне не имел ни единого шанса выжить. Нужно было быть маленьким, юрким, увертливым, ловким. Поэтому рост у наших парней достаточно невысокий и многие мальчики в нашем классе или в моей группе в педагогическом университете были гораздо ниже меня. Но Анвер, мой будущий муж, был достаточно высокого роста, что мне сразу понравилось. Он мало говорил, что мне тоже понравилось. Позже я поняла, что он мало говорил не потому, что был такой умный и скромный, а просто потому, что ему нечего было говорить. Почему молчание считается золотом даже в тех случаях, когда молчат дураки? Ведь понятно, что если

человеку нечего сказать, то он и будет молчать, чтобы не демонстрировать свою глупость другим. И наоборот, в разговоре со своим собеседником сразу можно выявить степень его интеллекта. Но Анвер почти все время молчал, соглашаясь со мной. Как вы уже поняли, я говорила за двоих. И рисовала себе образ такого немногословного мужчины, немного похожего на американских ковбоев.

К этому времени я уже работала в институте литературы, куда меня устроили по знакомству. Анвер довольно красиво за мной ухаживал, но был очень зажатый и каким-то потерянным при встречах. Можете мне не поверить, но это я проявила инициативу, когда первый раз поцеловала его в щеку. Хотя мне казалось, что он должен быть более настойчивым. Но с другой стороны, может, это и хорошо, что он был такой скромный, некоторые из знакомых парней вели бы себя на его месте гораздо более несдержанно. Через два месяца его мать и тетки пришли к нам договариваться о встрече мужчин, потом появились мужчины его семьи. Мой отец дал согласие, и мы официально стали женихом и невестой. Потом обменялись кольцами, подарками, сладостями – все как полагается. Анвер вел себя безукоризненно. Я думаю, что он даже немного меня побаивался. Это наше привычное восточное ханжество. С женой нельзя вести себя так, как с обычной женщиной. Никаких вольностей, никаких различных ухищрений, никаких сексуальных выдумок. Исполнение супружеского долга и рождение наследников, конечно маль-

чиков, чтобы понравиться мужу и его родителям, – вот главная обязанность выходящей замуж женщины.

Свадьба была шумной и многолюдной. Собралось человек шестьсот гостей. Я сидела на собственной свадьбе и чувствовала себя полной дурой. Неужели все так и закончится? Искоса я посматривала на своего мужа, с которым отныне должна была прожить всю свою жизнь. Неужели именно этот человек будет отныне находиться всегда рядом со мной? Станет отцом моих детей? Человеком, с которым я проживу всю свою жизнь? У нас ведь не принято разводиться. Приличные женщины не могут оставаться одни, без мужа. Он сидел рядом и пил минеральную воду. Что я чувствовала в тот момент? Все, что угодно, кроме любви. Мне шел уже двадцать четвертый год, нужно было выходить замуж. Анвер был из состоятельной семьи, старший сын, там еще были две девочки. У него была своя машина, своя квартира, которую мы по традиции обставили нашей мебелью и посудой. Ему было уже двадцать шесть лет, и он работал в таможенной службе, что тоже считалось исключительно престижной и денежной работой. Он был высокого роста, употреблял хороший парфюм, носил дорогие итальянские костюмы. Во всем со мной соглашался до свадьбы, и я подумала – почему бы и нет? Вот так мы и попадаем в собственную ловушку. С одной стороны, уже просто неприличный возраст для Баку, ведь девушкам лучше выходить замуж в восемнадцать или девятнадцать лет. И с другой стороны, приличный парень из

хорошей семьи. Что еще тебе нужно, дурочка?

Не берусь сказать, какой процент наших девушек рассуждает именно так. Но процент достаточно большой. Главное, выйти замуж, рожать детей, иметь семью и мужа. А если будущий муж из богатой семьи, то это уже просто мечта. И на некоторые недостатки можно не обращать внимания. И уж тем более не стоит гоняться за химерой любви. «Стерпится – слюбится», как гласит старая пословица. Большая любовь бывает только в книгах и в кино. А в жизни нужно быть более приземленной и прагматичной. Вот так мы и выходим замуж, вот так рожаем детей и всю свою жизнь живем с мужчинами, которых, обманывая самих себя, выдаем за своих любимых. А потом достигаем сорокалетнего возраста, начинаем безобразно полнеть и перестаем спать даже с собственными мужьями, думая только о детях и появляющихся внуках. И так проходит вся жизнь. Если опросить пятидесятилетних женщин в нашей стране, уточняя, что именно они думают о любви, то в лучшем случае вы получите сконфуженный ответ, что на подобные темы ваша собеседница просто не хочет разговаривать. Либо ограничится общими фразами и обязательно добавит, что уже поздно об этом думать. А ведь на Западе многие женщины именно в этом возрасте начинают жить для себя, заводят молодых любовников и наслаждаются жизнью.

Совсем размечталась. Пятьдесят мне будет еще очень не скоро. А на свадьбе я сидела и отчетливо понимала, что не

люблю этого чужого человека, сидящего рядом. Но мне придется его терпеть всю свою жизнь. Может, у нас действительно с ним что-нибудь получится?

Увы! Уже первая наша брачная ночь развеяла все мои иллюзии. От его прежней скромности не осталось и следа. Теперь он был моим законным мужем, так сказать, хозяином моего тела. Поэтому он деловито разделся и, не стесняясь меня, снял даже свои трусы, ложась в кровать. Честное слово, я немного испугалась.

– Не стой как дура, – недовольно произнес Анвер, – раздевайся и ложись рядом со мной.

Вот так. «Раздевайся и ложись». И вся романтика куда-то быстро улетучилась. Я прошла в другую комнату, переоделась в ночную рубашку, на всякий случай надела трусы. Не знаю почему, но меня начало трясти от страха. Никогда в будущем я не буду испытывать ничего подобного. Осторожно подошла к кровати и легла рядом с ним. Он протянул руку. Начал поднимать рубашку. Я вся напряглась от волнения. Конечно, ему было сложно. Я была зажатой, испуганной, боялась первой боли. Ему пришлось преодолевать это сопротивление. Он даже накричал на меня. И все-таки сумел сделать свое дело. Или, как говорят в подобных случаях, – исполнить свой долг. Достаточно грубо и суетливо. Чувствовалось, что особого опыта у него нет. Но он решил сразу продемонстрировать свое мужское превосходство. Было больно и не очень приятно. А потом он заснул. В первую брач-

ную ночь. Просто отвернулся на другой бок и заснул. Я прошла в ванную, чтобы помыться, и проплакала там два часа. Утром, пока я еще спала, он бесцеремонно разбудил меня и снова овладел мной. Вот так весело и началась наша семейная жизнь.

Глава 3

У нас в отделе ходят упорные слухи, что наш руководитель – полковник Микаил Кафаров – раньше был Михаилом Кафаровым и работал за рубежом совсем под другими именами. Сейчас ему за шестьдесят пять, и его до сих пор держат на службе именно в силу уникальности его знаний и опыта, ведь начинал он больше сорока лет назад еще в Первом главном управлении КГБ СССР, как тогда называли разведку. Легко посчитать, что это было задолго до моего рождения, еще в те благословенные шестидесятые годы, которые смело можно назвать пиком противостояния двух сверхдержав, и как следствие этого процесса – противостояния двух самых мощных спецслужб мира – ЦРУ и ПГУ КГБ. Это была великая схватка, которая закончилась полным разгромом и крахом одной из сторон. В поражении меньше всего виноваты Кафаров и его товарищи, ведь их просто сдало политическое руководство бывшего Союза.

Шестидесятые годы начались двумя самыми опасными кризисами в истории человечества, когда вся цивилизация балансировала на грани третьей мировой войны. «Берлинский кризис», когда танкисты уже смотрели друг на друга на расстоянии нескольких сот метров и «карибский кризис», когда корабли обеих сторон сходились почти носом к носу. Но у лидеров обеих сверхдержав хватило ума избежать

ядерного столкновения, при котором обоим государствам и всей нашей планете был бы нанесен просто невосполнимый ущерб. Политики – люди, конечно, амбициозные и тщеславные, но, как видим, не все идиоты. Понимали, что атомная война не принесет ничего хорошего, и решили начать переговоры. Потом уже были обмены шпионами и разведчиками, потом уже начали искать общие точки соприкосновений, а к восьмидесятым советские и американские спецслужбы уже были не столько врагами, сколько партнерами в борьбе с террористами, бандитами и сепаратистами всех мастей.

Кафаров вызвал меня в свой кабинет. Внешне он похож на доброго Санта-Клауса. Небольшая щегольская ниточка седых усов, добрые уставшие глаза, седые волосы, всегда коротко стриженные, немного полноватое лицо. Если бы я не знала, какой он профессионал, то вполне могла принять его за шеф-повара небольшого ресторана или галантного менеджера небольшого семейного отеля. Но это обманчивое впечатление. Иногда мне кажется, что он умеет читать мысли своих собеседников, настолько тщательно и внимательно он анализирует их поведение, движения, слова, даже выражение лиц. Ничего не может ускользнуть от его внимательного взгляда. При этом сам он никогда не выдает своих эмоций или настроения. Хотя за последние годы я научилась различать его возможную реакцию на различные события. И теперь было заметно, что он не совсем доволен. В его руках карандаш, которым он постукивал по столу. Это признак недо-

вольства. Не гнева, но такой очевидной досады.

– Здравствуй, Кеклик, – вежливо начинает он, – проходи, садись.

Это уже гораздо хуже. Если начинает так вежливо, то потом будет очень невежлив. Я прохожу к его столу, усаживаюсь напротив.

– Значит, прекрасно справилась с поставленной задачей, – скучающим голосом говорит Кафаров, – просто оказалась в нужное время и в нужном месте. Одного бандита нейтрализовала, другого застрелила. Ноль потерь, все дети целы, воспитательницы остались живы, бандит у нас в изоляторе и ты на коне? Все правильно?

Я молчу. Сейчас последуют разборки.

– Когда я послал тебя в этот детский сад, я уже понимал, как именно они будут действовать, – поясняет Кафаров, – их кто-то консультировал. И конечно, детский сад, находившийся рядом с полицией, должен был охраняться хуже всего, ведь рядом было столько вооруженных полицейских. Что рассчитал их возможный аналитик и получилось в действительности. Сотрудник полиции, который обязан был дежурить у здания, куда-то отлучился. Он даже не подумал о возможных последствиях, ведь рядом находилось столько его вооруженных товарищей. Но это была лишь видимая безопасность, их не было в детском саду, когда туда ворвались эти отморозки. И в результате нарвались на тебя...

Он молчит, давая мне возможность осознать его слова.

Вообще, он мастерски умеет делать паузы. Как Джулия Ламберт, великая актриса, чей образ был создан Сомерсетом Моэмом в своем известном романе. Она тоже была мастером делать многозначительные паузы. А он, между прочим, тоже работал на английскую разведку. Ну, это так, к слову.

– А потом вы оказались заперты в большой комнате, где ты так умело расправилась с этими типами, – продолжал Кафаров. Я уже догадываюсь, что именно сейчас он будет говорить. Карандаш еще раз стукнул о стол, и он аккуратно положил его перед собой.

– Они толкали нас вместе с детьми в сторону этой комнаты, пояснила я ему, – и дети не успевали. Один мальчик упал, и я очень испугалась. Поэтому я взяла его на руки, чтобы успокоить...

– И отнести в комнату для заложников, – продолжил Кафаров, – забыв, зачем тебя туда послали.

– Не забыла, конечно. Сумку я держала при себе. Но решила помочь ребенку. И подумала, что в суматохе лучше ничего не предпринимать, пока эти двое не успокоятся. А уже потом выбрала момент...

– И открыла стрельбу при детях, – снова заканчивает за меня полковник, – подвергнув риску всех присутствующих. И ты действительно считаешь, что так должны действовать профессионалы?

– Нет, не считаю. Но времени уже не оставалось. Они забаррикадировали дверь, и было понятно, что больше никого

они в комнату не впустят. И этот первый подошел к окну, чтобы еще раз посмотреть двор, куда выходили оба окна. Было понятно, что они выбрали эту комнату не случайно. Туда очень трудно пройти незамеченными. И тогда я решила действовать. Второй смотрел в сторону молодой воспитательницы, у которой была слишком короткая юбка...

– И это вызвало у тебя раздражение? – ухмыляется Кафаров.

– Не совсем. Скорее я поняла, что можно воспользоваться моментом. И поэтому смогла подойти к нему достаточно близко. А потом нужно было только ткнуть его электрошокером, и он сразу потерял сознание. Но я не смогла рассчитать реакции первого. Я думала, что у меня будут в запасе несколько секунд, чтобы подойти к нему со спины, пока он обернется, поняв в чем дело, достанет оружие. Но он оказался гораздо лучше подготовлен. И почти сразу обернулся. А потом достал пистолет. У меня были секунды... И тогда я начала стрелять.

– Прямо при детях?

– Вы считаете, что было бы лучше, если бы он меня застрелил? – Полковник иногда позволяет так с ним разговаривать. Во всяком случае, сейчас я отстаиваю свою позицию.

– Было бы гораздо лучше, если бы ты не стреляла. На твоей стороне был фактор внезапности. И всего двое нападавших. А если бы их было трое? Или четверо? Ты понимаешь, что твои суперменские замашки там бы просто не прошли?

Можно было найти другой удобный момент. У тебя было много времени. Они должны были успокоиться, может, даже уснуть, расслабиться. И ты бы легко с ними справилась.

– Я понимаю.

– Тогда почему ты поступила именно так? Только не рассказывай сказки про «удобный момент». Он был не очень удобным. А ты сорвалась. И я тебе скажу почему. У одной из девочек был шок, мы отправили ее в больницу. Я думал, что это из-за твоей стрельбы, но нам удалось установить, что на ее глазах один из этих напавших ударил ее отца. Тебе стало жалко девочку. Ты сразу вспомнила о своей девочке, которая немного старше нее. Потом тебя начала раздражать короткая юбка воспитательницы. Ты чувствовала себя почти героем-освободителем, а тут смотрят на красивые ножки другой... И наконец, тебя просто разозлила бесцеремонность этих типов, внезапность их нападения, когда ты не смогла сразу и правильно среагировать. И конечно, отсутствие дежурного сотрудника полиции, который обязан был оставаться в детском саду. Все правильно или я что-то пропустил?

В ответ я молчу. Он умеет читать чужие мысли, я об этом уже давно знаю. Но еще он лучший аналитик в нашем Министерстве национальной безопасности и об этом тоже все знают. Поэтому я молчу. Спорить все равно бесполезно.

– Я много раз тебе говорил, Кеклик, что твое преимущество в твоём очаровании и принадлежности к женскому полу, – напоминает Кафаров, – когда никто из твоих против-

ников даже представить не может, насколько ты хорошо подготовлена и каким опасным врагом ты можешь быть. А ты срываешься именно как женщина. Есть такая поговорка: «У женщины все сердце, даже голова». Кажется, ее сказал кто-то из наших писателей. А у тебя должна быть вместо сердца тоже голова. Иначе невозможно. К твоим безусловным достоинствам должно относиться умение объективно анализировать ситуацию. Ты там была оставлена как наш офицер, а не как женщина, и тем более не как мать, которая должна жалеть чужих детей.

– Я считала, что в первую очередь мы думаем о детях, – не выдерживаю я.

– Без демагогии, – морщится полковник, – конечно, ты дежурила там именно для спасения детей. Но спасти их нужно тоже профессионально. С холодным разумом. Неужели ты не понимаешь, насколько опасны были твои действия? Стрелять в комнате, в которой находилось столько детей. В следующий раз, когда подумаешь о детях, не начинай стрелять. А если бы он попал в детей? Об этом ты подумала? Или выстрелил бы раньше тебя?

Я снова молчу. Конечно, он прав. И эти мерзавцы действительно вывели меня из состояния равновесия. Слишком резкий контраст. С одной стороны напуганные, заплаканные дети, а с другой – эти уверенные в своих силах бандиты. Одному еще повезло. Я бы с огромным удовольствием пристрелила обоих.

– Все понимаешь? – спрашивает Кафаров.

– Конечно. Я поспешила, – теперь я опускаю голову и жду, когда он объявит, как именно меня будут наказывать. Может, объявят выговор или отстранят на время от оперативной работы. Выгонять меня, конечно, не станут, все-таки столько сил и средств вложено в мою подготовку.

– Хочу вас поздравить, – неожиданно говорит Кафаров, обращаясь ко мне на «вы», что делает в исключительно редких случаях, – согласно приказу министра вам досрочно присвоено звание майора. За умелые и смелые действия по освобождению детей. Поздравляю.

Он поднимается и протягивает мне руку. Я растерянно поднимаюсь и тоже протягиваю ему руку. Он жмет мне руку и таким же сухим голосом сообщает:

– Лично я был против. Но министр решил по-своему. Можешь садиться.

Вот так всегда. Как будто без его участия мне могли дать такое звание. Конечно, нет. Но старик любит поворчать, пожурить, покритиковать. Может, это и правильно. Я ведь действительно могла немного подождать и выбрать более удобный момент, чтобы не стрелять. Нет. Я поступила правильно. Там были дети, и в этот момент я действительно вспомнила и о своей дочери. Я видела их испуганные лица. Каждая минута в этой комнате была для них страшным испытанием. Не говоря уже об их родителях. Поэтому я поступила правильно.

Кажется, полковник сумел снова прочесть мои мысли. Он смотрит на меня и снова усмехается:

– Считаешь, что все-таки поступила правильно? Решила не подвергать ненужным испытаниям детей и их родителей? Считаешь меня немного ворчливым стариком?

Неужели он все-таки умеет читать мысли?

– Дети были сильно напуганы, – честно отвечаю, глядя ему в глаза. Как можно обманывать человека, который слышит твои мысли. Может, у него такие способности? Или он просто хороший аналитик, который умеет читать человека как книгу. По его выражению лица, по жестам, осанке, настроению, движениям, взглядам. Говорили, что в бывшем КГБ было несколько таких отменных специалистов. И среди них наверняка был полковник Кафаров. Самое поразительное, что полковником он был еще до девяносто первого года. Потом два года без работы. Отказывался, когда его звали на службу. Говорили, что его уговорили только после того, как пообещали предоставить полную свободу в выборе сотрудников и методов работы. Среди тех, кого он лично отбирал, была и я. И с тех пор снова работает в нашем ведомстве, правда, теперь оно называется иначе. Но самое поразительное, что он остается полковником уже столько лет. Наверное, не всем министрам или генералам нравится его умение читать чужие мысли. В том числе и их собственные.

– В любом случае мы с тобой еще раз тщательно проанализируем твои действия, майор Алиева, – говорит уже с

некоторой иронией Кафаров, – а теперь я тебе скажу, какое новое задание ты должна получить. Ты знаешь, что в прошлом году мы выиграли конкурс «Евровидения»?

– Конечно, знаю. Эти молодые ребята. Парень еще учится в университете. Кажется, в Славянском. А молодая женщина приехала из Великобритании. Говорили, что у нее уже двое детей. Такая симпатичная пара. Они молодцы, – оживилась я. Стало интересно, почему он спрашивает меня о конкурсе. Что опять произошло?

– И теперь, по уже сложившейся традиции, конкурс будет проходить в Баку, – продолжает Кафаров.

Это мне тоже известно. У моря строят дворец специально для этого конкурса, теперь понятно, почему он спрашивал о «Евровидении». Конечно, когда проводится мероприятие такого масштаба, то здесь следует задействовать все лучшие силы страны. Не знаю, как я сама, но группа Кафарова относится к лучшим силам нашего министерства, это безусловно. Как и сам полковник, наверное, лучший аналитик не только в нашем министерстве, но и вообще на всем постсоветском пространстве. В бывшем Комитете государственной безопасности СССР умели готовить кадры. Наши ребята иногда в шутку говорят, что в молодости Кафарова учил сам Вольф Мессинг. Я верю в эти слухи.

– Ты уже поняла, зачем я спросил, – он не спрашивает. Он утверждает.

– Мы будем задействованы по время проведения «Евро-

видения», — я тоже не спрашиваю. Я продолжаю разговор, понимая, что именно собирается сообщить мне Кафаров.

— Вот именно, — подтверждает полковник, — сама понимаешь, какое количество гостей к нам приедет. Со всей Европы и со всего мира. А среди исполнителей практически три четверти бывают женщины. Если не больше. Если посчитать с группами, которые их сопровождают, то и больше девяносто процентов. Там ведь обычно поют и танцуют тоже красивые девушки. В качестве своеобразного антуража. Смотреть и слушать приятно.

— В прошлом году тоже так было. И нашей паре тоже подпевали молодые девушки, — вспоминаю я, — между прочим, мне они очень понравились. Симпатичные ребята и заслуженно взяли первое место.

— Для имиджа страны это прекрасно. Но они поставили перед всеми нами очень сложную задачу. Сделать так, чтобы все прошло на привычном для Европы высоком уровне и при идеальной организации службы безопасности этого мероприятия.

— Где мы задействуем все наши силы, — поняла я, — учитывая количество гостей, среди которых большинство — женщины.

— И поэтому будут задействованы все наши дамы, — поясняет Кафаров, — женские туалеты, женские раздевалки и уборные — все это должно быть под нашим пристальным контролем.

– Я должна дежурить в туалетах? – Очевидно, на меня подействовало мое новое звание. Нельзя так срываться. Но мне стало обидно.

– Если понадобится, мы оба будем там дежурить, – возвращает меня на землю полковник, – и давай без ненужного пафоса. Наша задача – обеспечить полную безопасность участников и гостей конкурса. Полную безопасность, – подчеркивает Кафаров, – и давай без ненужной иронии. Никто не предлагает тебе дежурить в туалетах. Мы прежде всего аналитики, хотя среди нас есть и оперативные сотрудники, действующие под прикрытием, как майор Кеклик Алиева, – он делает свою фирменную паузу, чтобы я осознала свою ошибку. И впервые осознала, какое высокое звание мне присвоено. А затем он также негромко и спокойно продолжает говорить:

– Но только в том случае, если она не будет срывать и не станет забывать, что сначала она аналитик, а уже потом оперативный сотрудник. И ее готовили совсем не для показательной стрельбы по бандитам или террористам. Для этого не нужно было столько лет тебя готовить. Для этого есть снайперы, офицеры контрразведки, сотрудники полиции и еще тысячи других сотрудников. Не забывай, что ты уникальный специалист. В твою подготовку вложено очень много сил и средств. В конце концов, по легенде, ты прежде всего сотрудник института литературы, а не работник санэпидемстанции, за которого ты себя выдавала в этом детском

саду. И кого-то может удивить такое непостоянство. Уже не говоря о том, что это вызывает ненужные вопросы.

Я молчу, опустив голову. В таких случаях лучше молчать и не спорить со стариком. Пусть выговорится. Я уже поняла, что он позвал меня не только для разборок или для торжественного объявления о моем новом звании. Хотя майором, наверное, быть приятно. Но мундира у меня все равно нет и, видимо, никогда не будет, ведь я агент, работающий в собственной стране под прикрытием. В любой стране мира есть такие люди, которые числятся и работают где-то в учреждениях, институтах, предприятиях, а на самом деле являются сотрудниками спецслужб. В Советском Союзе традиционно не любили таких законспирированных сотрудников, называя их то ли «стукачами», то ли «сексотами». Но на самом деле «стукачи» и «сексоты» – это осведомители, платные и бесплатные агенты, завербованные информаторы и тому подобное. А я кадровый офицер, работаю под прикрытием.

Кафаров смотрит на меня и, кажется, слышит все мои мысли. Все, как обычно.

– Мы с тобой знакомы уже почти десять лет, и все эти годы ты совершенствовалась в своих навыках, – продолжает Кафаров, – но учти, что это будет особое задание. На охране конкурса будут задействованы тысячи женщин, сотрудницы всех наших спецслужб. И представителей других ведомств. А у тебя будет особая роль и особая задача.

Вот так мне и поручили самое ответственное задание в

моей жизни, через несколько минут после сообщения о присвоении мне очередного звания.

Глава 4

Через полтора года после свадьбы я родила здоровую девочку. Конечно, мой муж и его родня были более чем разочарованы. Все ждали мальчика, а я осмелилась родить девочку. Можете себе представить, что мой супруг даже не удостоился поздравить меня с рождением ребенка. И вообще, первые несколько дней не появлялся в больнице. Такой типичный местный половой шовинизм, когда каждый мужчина считает, что жена обязательно должна родить ему мальчика. Сколько моих подруг мучаются из-за подобных ожиданий. Рожают по нескольку раз, пока не появляется мальчик. Каждый мужчина хочет получить своего наследника, это я понимаю, но почему ни один из наших самцов не знает, что пол ребенка зависит совсем не от женщины, а именно от мужчины, и только от него. Об этом говорилось сотни раз, но все равно наши доморощенные «мачо» умудряются обвинять своих жен в неспособности родить им мальчиков. Причем среди них бывают даже врачи, которые прекрасно знают, кто именно отвечает за рождение мальчика. Но это уже своеобразная и плохая традиция обвинять именно женщин в неспособности дать мужчинам наследника. В общем, мой Анвер появился в больнице только на третий день. А на седьмой меня выписали, и в больницу за мной, кроме мужа, не приехал ни один из его родственников. Они считали,

что я просто обязана была принести им наследника. И поэтому меня встречали только мои родные. А Анвер привез нас домой и почти сразу уехал, как будто я родила девочку от другого мужчины. Представляете, как мне было обидно. В общем, мне наглядно дали понять, что следующий ребенок обязательно должен быть мальчик. Девочку мы называли Нарминой. Мне всегда нравилось это имя.

К этому времени я уже точно знала, что мой муж полное ничтожество. Кроме посиделок со своими друзьями и употребления анаши с кальяном, его больше ничего не интересовало. На работе его терпели только из уважения к его отцу. Денег он почти не зарабатывал, и его отцу приходилось оплачивать все наши счета. Единственное, что он делал достаточно регулярно, – это занимался со мной сексом. При этом его мало интересовали мои собственные ощущения и чувства. Он просто протягивал руку, когда ему хотелось, не спрашивая меня ни о моем состоянии, ни о моем самочувствии. К сожалению, до сих пор во многих семьях, даже молодых, считается, что сексом нужно заниматься только тогда, когда хочет муж. И разумеется, жена не имеет права ему отказывать ни при каких обстоятельствах. А если она проявит инициативу, то это вызовет либо подозрение, либо изумление у ее мужа. И Анвер был похож на остальных наших недоразвитых придурков. Если день был абсолютно запретным, он просто недовольно хмыкал и убирал руку, поворачиваясь ко мне спиной. Если поводов для отказов не было, он, так же

лениво и без воодушевления, просто получал удовольствие. И почти сразу засыпал. Нужно ли говорить, что подобные «упражнения» постепенно стали вызывать у меня раздражение и нарастающую ненависть. Сразу после родов мне удалось несколько раз прочувствовать, как это должно быть по-настоящему, когда я смогла получить нормальное удовлетворение, очевидно связанное с тем, что после родов мой организм несколько изменился, и я понимала, что наши сексуальные отношения очень далеки от идеала. В некоторых умных книгах я позже прочитала, что многие женщины вообще не знают, что такое настоящий оргазм, а большинство местных женщин даже думать об этом считают неприличным. Просто выполняют супружеские обязанности, подстраиваясь под темперамент своего мужа. Нужно ли говорить, что наши восточные мужчины считают, что «друг по жизни», примерно так переводится с азербайджанского на русский слово «жена», должна быть целомудренной, выдержанной и высоконравственной даже в постели. Предлагать некие позы просто непростительно, а фантазии вообще предосудительны. Не считайте меня ханжой, все обстоит даже хуже, чем вам может показаться. Те же самые мужчины очень даже изобретательны в отношениях с другими дамами, но это уже особая тема...

Конечно, я обязана была подстраиваться под мужа, кормить ребенка, следить за нашей квартирой и вообще быть идеальной супругой. Я оформила декретный отпуск, чтобы

самой кормить девочку и быть рядом с ней в первый год ее жизни. Анвера это интересовало меньше всего. По-моему, ему вообще было все равно – хожу я на работу или сижу дома. У нас была домработница, которая готовила и убирала квартиру. Разумеется, ей тоже платил за работу отец Анвера. К концу первого года у меня прекратились месячные, и я поняла, что возможно рождение второго ребенка.

Ну а дальше произошла трагедия, которая круто изменила мою жизнь и мою судьбу. Но расскажу все по порядку. Через некоторое время я почувствовала характерные изменения и поняла, что жду второго ребенка. На этот раз все были убеждены, что я обязательно должна родить мальчика. Я была уже на шестом месяце беременности, когда к Анверу приехал его друг из Дербента. Два дня они вместе отдыхали и развлекались, а при расставании наш гость предложил в конце месяца приехать к нему. Я еще тогда подумала, что это вежливая форма прощания. У нас на Востоке не всегда нужно всерьез принимать все слова, которые вам говорят. Например, есть такое идиоматическое выражение, которое дословно переводится «Да буду я твоей жертвой». Так иногда даже мать может сказать сыну или близкий человек очень близкому человеку. На самом деле жертвой быть никто не собирается и эти слова вполне можно заменить словами «Дорогой мой». Но так принято говорить. Вообще, восточный цветастый стиль очень характерно проявляется как раз в этом случае. Я все-таки по образованию филолог. Или

наши пословицы, поговорки. Есть такие интересные выражения. Если дословно перевести получится – «Мои глаза не пьют воды его глаз», а на самом деле это означает, что я не доверяю этому человеку.

Почему я об этом вспомнила? Как раз потому, что приехавший к нам Мустафа предложил нам с Анвером побывать у него в гостях. Нужно было вежливо его выслушать и все. Но Анвер загорелся желанием поехать в Дербент. И утром в субботу мы выехали на нашей машине в сторону Дагестана. Я словно чувствовала какую-то опасность и очень не хотела туда ехать. Но Анвер буквально настоял на нашей совместной поездке, сумев уговорить меня поехать вместе с ним. До границы мы доехали без происшествий. Повсюду были хорошо отремонтированные трассы, новые бензоколонки, современные магазины. Правда, на границе пришлось довольно долго ждать, пока пограничники и таможенники договорятся и пропустят нашу машину. На российской границе все повторилось в еще худшем исполнении. Там нас продержали еще больше. Меня даже обыскали, объяснив, что под видом беременных женщин сейчас часто появляются «шахидки», которые готовы в любой момент выступить в роли живой бомбы. Но вот наши мытарства закончились, и мы направились в Дербент. Мустафа встречал нас при въезде в город. Конечно, нам отвели лучшую комнату, накрыли царский стол и всячески пытались угодить. Интересно, что в Дербенте живет очень много азербайджанцев, а в на-

шем Хачмаса, находящемся на нашей территории, соответственно проживает много лезгин. И вообще, любые государственные границы в подобных местах всегда носят достаточно условный характер, ведь на протяжении тысячелетий азербайджанцы и лезгины жили рядом, перемешиваясь друг с другом. Как, впрочем, и многие другие народы.

Мы заснули поздно ночью, а утром Мустафа повез нас за город, к своему старшему брату, который работал заместителем начальника городской полиции. Думаю, что вы уже догадались, что именно там произошло. Несчастный Дагестан, там теперь даже руководители местных отделений почты или собеса вынуждены ходить с охраной, а в городах иногда устраивают откровенную «охоту» на участковых или сотрудников полиции в форме. Ненависть, которая зародилась при распаде бывшего Советского Союза и во время двух войн в Чечне, никуда не делась. Она выплеснулась за границы собственно самой Чечни и стала проявляться в Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, на всем Северном Кавказе, доползла до Москвы и других российских городов. И в самой страшной форме проявилась в Дагестане, где, если сказать правду, вот уже несколько лет идет настоящая война. Война всех против всех. Когда предают свои, сдают близкие, подставляют друзья, саботируют товарищи и все не ради мифического исламского эмирата или каких-то высоких целей, а ради конкретных денег, конкретной прибыли, конкретной выгоды. Если убивают ответственного чиновни-

ка, то все знают, что это не всегда ваххабиты или террористы, хотя исполнителями могут быть и они. Но за такими убийствами очень часто стоят просто конкуренты или еще хуже, первые заместители этих чиновников, которые справедливо рассуждают, что смерть их руководителей спишут на отморозков, а освободившееся место достанется им. И поэтому с удовольствием делятся не только информацией, но еще и платят деньги, обеспечивают надежной связью, предоставляют транспорт. Они не считают себя подонками и предателями. Они прежде всего обычные «бизнесмены», которые таким образом убирают своих руководителей, перераспределяя денежные доходы на свой карман. И все об этом в Дагестане прекрасно знают. Но каждый раз предпочитают говорить гневные слова о террористах, приехавших арабских наемниках и других бандитах. Самое смешное, что почти со всем бандподпольем на своей территории может покончить обычный участковый. Но тогда не будет никаких дополнительных преференций, очередных званий и выдвижений. Бандиты выгодны всем. И своим руководителям, и тем, кто платит их руководителям, и тем, кто их перекупает, и тем, кто с ними якобы борется, получая деньги на антитеррористическую деятельность, и так далее по всей цепочке.

Поэтому не стану долго об этом рассуждать. Мне достаточно больно об этом вспоминать. Просто расскажу, что когда мы подъехали к дому старшего брата Мустафы, он сам выехал, чтобы нас встретить. В его внедорожнике сидели во-

датель и охранник. Но старший брат Мустафы вышел из автомобиля, чтобы приветствовать гостей. Именно тогда, когда мы остановились. Наша машина встала с другой стороны, и я вышла из салона, оказавшись почти рядом с хозяином. И именно в этот момент прогремел взрыв. Какой-то смертник, очевидно, долго ждавший этого момента, взорвал себя, подъехав к нам на максимально близкое расстояние. Все, кто был во внедорожнике старшего брата Мустафы, вместе с хозяином погибли на месте. Мустафа и мой муж были легко ранены, а мне осколок попал прямо в живот. Это был даже не осколок, а какой-то обрубок болта. Интересно, о чем думают эти нелюди, когда начиняют свои бомбы болтами, гвоздями и арматурой, чтобы поразить как можно большее число людей? И как бы они отреагировали, если бы на моем месте были их матери, сестры, дочери? Или они не хотят понимать, что среди погибших тоже есть чьи-то родные и близкие? А если не хотят понимать и делают это намеренно, то можно ли их считать нормальными людьми, ведь они деловито и аккуратно готовятся к этим террористическим актам, начиняя свои бомбы этой разнообразной металлической «начинкой».

От боли я потеряла сознание и уже ничего не видела. Рассказывали, что меня почти сразу отвезли в больницу. Там был опытный врач, старик, который раньше работал в Майкопе и хорошо разбирался в подобных ранениях. В общем, меня спасли. А ребенка, своего будущего мальчика, я потеряла. Говорят, что Анверу долго не решались говорить о

судьбе погибшего ребенка, ведь он так хотел мальчика. Один из врачей потом рассказал, что мне очень повезло. У меня было тренированное тело спортсменки, и поэтому я выжила. Выжила, но потеряла своего ребенка.

Я пролежала в этой больнице больше месяца. Анвер вернулся в Баку и навестил меня два или три раза. Любезная медсестра сообщила ему, что детей, возможно, у меня больше никогда не будет. Не будет ни мальчиков, ни девочек, и не будет продолжения рода, которого ждали все родные и близкие Анвера. Вот почему он навестил меня в больнице и сразу уехал в Баку. А потом приехал ко мне только через неделю и опять сразу уехал. По-моему, уже тогда он решил, что нам нужно разводиться. А меня так ранило его предательство. Хуже этой проклятой бомбы. Разве можно бросать свою жену в такой момент и в таком положении? Мать своего ребенка? Просто из обыкновенного человеческого сочувствия он обязан был меня поддержать и остаться со мной. Позже, уже оправдываясь, он однажды сказал, что не мог отпроситься со своей работы. Работы, на которую он почти не ходил и к которой никогда серьезно не относился. Но в тот момент он меня просто предал. Мустафа и его родные, потерявшие своего родственника, считали себя отчасти виноватыми и навещали меня в больнице в день по два или три раза. Если бы не они, если бы меня не поддерживали сестра и мать Мустафы, сами потерявшие своего брата и сына, то я бы просто не выжила, задохнувшись от своего горя. Но я выжила, и через ме-

сяц снова появился мой муж, который отвез меня в Баку. Он вошел в палату с таким недовольным видом, словно я сознательно сделала аборт и нарочно отказалась от его сына. Сейчас я понимаю, что он делал это не со зла. Он вообще не был злым человеком. Просто очень глупым. А глупость иногда бывает хуже подлости. Ему не хватило такта, ума, обычного понимания ситуации, чтобы вести себя немного иначе. Просто ему казалось, что потеря сына – это в первую очередь его собственная потеря. А о моих чувствах, моих переживаниях он просто не думал. Наверное, многие недалекие мужчины мыслят именно таким образом. Это не их вина. Скорее беда. Очевидно, виноваты их матери, которые просто не приучили своих сыновей сопереживать страданиям своих женщин, которые будут рядом с их любимыми чадами.

По дороге мы почти не разговаривали. Нам было просто не о чем говорить. Я смотрела на него и поражалась, как я могла выйти замуж за такое ничтожество. Словно взрыв снял пелену с моих глаз. Или я стала видеть несколько под иным углом зрения. Молодым девушкам я могу посоветовать только одно. Не обращайте внимания на физические достоинства своего будущего супруга. Не придавайте особого значения его деньгам, связям, родственникам, карьере, положению. Прежде всего задумайтесь над тем, с каким человеком вы собираетесь жить? Не предаст ли он вас при возможных испытаниях, сумеет ли стать настоящей опорой на всю оставшуюся жизнь, каким и должен быть настоящей мужчиной, и

вообще, хотите ли вы связать свою судьбу с ним? Может ли он быть отцом ваших детей и вашим самым близким другом, готовый разделить с вами радости и невзгоды. Раньше об этом так и спрашивали. А теперь просто уточняют, хотим ли мы быть замужем. Хотим, хотим, сто раз хотим, конечно, хотим. И часто закрываем глаза на очевидные недостатки наших избранников. Что поделаешь. Принцев на белых конях не осталось. Принцев вообще нет. Остались только кони.

Одним словом, уже через некоторое время наметившийся разрыв углубился. Он стал чаще исчезать из дома, я начала ездить ночевать к своим родителям. Не было ни скандалов, ни разборок, ни семейных ссор. Просто было очевидно, что мы не можем и не хотим жить вместе друг с другом. Когда однажды ночью он протянул руку, чтобы дотронуться до меня, меня всю затрясло. Словно впала в какой-то ступор. Сжалась от ужаса при одной мысли, что между нами что-то может произойти. И мне кажется, что он понял. Понял мое состояние и явное нежелание вступать с ним хоть в какие-то отношения. В тот момент я его просто презирала. Или брезговала. Что, в общем, одно и то же.

Он убрал руку и отвернулся на другой бок. Больше подобных попыток он не предпринимал. А еще через несколько недель я сама предложила ему развестись. Даже не могла себе представить, что смогу сказать такие слова своему мужу. Но я их сказала. А он молча ушел из дома. И два дня не появлялся в квартире. А потом позвонил по телефону и

сказал, что согласен на развод. Я думаю, что он советовался со своими родителями, и те, рассудив, что я больше не смогу родить им наследника, решили дать согласие на наш развод. Вот так все и произошло. Мне оставили квартиру, и я заявила в суде, что не имею больше никаких имущественных претензий к моему супругу. Он тоже не имел ко мне никаких претензий. У нашей дочери оставались фамилия и отчество отца. Разумеется, я не возражала, чтобы он встречался с дочерью в любое время, когда захочет. Но, кажется, он довольно быстро забыл о своих отцовских обязанностях, а его родители забыли, что у них есть любимая внучка. Это тоже наши своеобразные восточные традиции. При разводе ребенок остается с матерью, и родители мужа почти автоматически вычеркивают их из числа близких родственников. Или сама бывшая невестка, чтобы отомстить своему мужу и его родителям за развод, препятствует общению ребенка с бабушкой и дедушкой. В подобных случаях всегда есть конкретные виноватые, а чаще всего виноваты обе стороны. Я не собиралась ждать от мужа особой помощи, хотя он аккуратно переводил четверть своей официальной зарплаты. Несложно понять, насколько издевательской была эта сумма. Ведь наши таможенники, налоговики, полицейские, судебские и всякие другие «погоновожатые» не живут на свои зарплаты, которые составляют только одну сотую или одну тысячную от их реальных доходов. Но я не могла претендовать на его скрытые доходы и получала мизерные двадцать

пять процентов алиментов от его официальной зарплаты. Я точно помню, что сразу после развода это была сумма примерно в тридцать долларов, на которую я должна была содержать своего ребенка. И он ни разу не спросил, каким образом можно содержать девочку на тридцать долларов. Точно так же, как этим не интересовались его родители, казалось, навсегда вычеркнувшие меня из своей жизни. Меня и нашу девочку, их внучку. Однажды я встретила на какой-то свадьбе его мать, у которой потемнело лицо, когда она меня увидела. Можете себе представить, что она даже не поздоровалась со мною, отвернувшись. Это тоже местный менталитет. В таких случаях всегда винят женщину, считая ее основной виновницей любого развода.

Вот в таком положении я оказалась. Без денег и среди презиравших меня родственников и знакомых, которые тоже смотрели на разведенную молодую женщину с большим подозрением. Я же не могла всем рассказывать об обстоятельствах своего развода. И тем более не могла говорить, что мой бывший муж фактически оставил меня и свою дочь без средств к существованию. И это была своеобразная месть его семьи.

Но в тот момент такие «мелочи» меня мало волновали. Я оставалась одна с дочерью и радовалась своей свободой. Первые несколько дней. А потом начала серьезно размышлять о том, что мне нужно выходить на работу и вообще думать о том, как содержать себя и свою дочь, не рассчитывая на по-

мощь моих родителей и старшего брата, которые, конечно, готовы были мне помогать. Домработница, которой раньше платил отец Анвера, перестала к нам приходить. Теперь мне предстояло жить совсем по-другому.

Глава 5

Помните, какой праздник был в Баку, когда в немецком городе Дюссельдорфе победила наша молодая пара на конкурсе «Евровидения»? Ребята действительно были молодцы. И уже тогда стало понятно, что следующий конкурс будет проведен в нашей столице. Но подобного зала с такой вместимостью в городе просто никогда не было. Никто не мог даже предположить, какие сложные политические игры начнутся сразу вокруг этого конкурса, который впервые должен был состояться в нашей стране.

И почти сразу стало понятно, что проведение подобного конкурса в нашей стране вызовет резкое неприятие подобного мероприятия у наших южных соседей. Их позиция была понятна с самого начала. У их границ собирается этот безнравственный конкурс с обилием полуголых девиц и непонятных мужчин, которые собираются исполнять свои песни в основном на английском языке. Если учесть, что Азербайджан мусульманское государство, да еще и с преобладанием шиитов, то проведение подобного конкурса в Баку вызывало резкое неприятие у наших южных соседей. Для тех, кто не знает, могу сообщить, что в самом Иране проживает в несколько раз больше азербайджанцев, чем, собственно, в Азербайджане, и наш народ один из немногих оставшихся в мире народов, который вот почти двести лет был разделен

между двумя великими империями – Российской и Персидской. Конечно, наших южных соседей раздражал не только сам конкурс. Очень сильно нервировало их и появление в нашей стране многочисленных иностранных делегаций и, конечно, сотрудников спецслужб, которые в большинстве своем появлялись в нашем городе. С этой точки зрения, Баку превращался в абсолютно уникальный город, где одновременно работали посольства Израиля и Ирана, Соединенных Штатов и Ирака, Великобритании и России, Китая и Турции. Разумеется, все посольства имели своих сотрудников службы безопасности, а несколько стран имели и свои мощные резидентуры, опиравшиеся на многочисленную внутреннюю агентуру. Нужно ли говорить, что у таких стран, как Россия, Иран и Израиль, в нашей стране могла быть достаточно многочисленная агентура. Не говоря уже об американцах, англичанах, французах и даже китайцах, которые также весьма активно работали в городе. Где еще можно было встретить такое количество собравшихся вместе разведчиков?

И мы с самого начала понимали, что будут попытки сорвать проведения конкурса, который становился вызовом не только нашим южным соседям, но и некоторым другим странам, очень недовольным европейской ориентацией Баку, который не скрывал своего стремления стать частью большой Европы. Самое поразительное, что подобные претензии не предъявлялись Турции, которая за несколько лет до этого принимала конкурс «Евровидения». Начнем с того, что Тур-

ция была суннитской страной в отличие от Азербайджана. Одним из очень важных факторов было и то обстоятельство, что в ней правила религиозная партия справедливости, регулярно побеждавшая на выборах. И хотя сама Турция не скрывала, что изо всех сил пытается пробиться в единую Европу, она, очевидно, представляла меньшую опасность для Ирана, чем Северный Азербайджан, ведь практически треть страны составляли азербайджанцы, компактно проживающие по другую сторону границы.

Кафаров достал сразу четыре папки, протягивая их мне, чтобы я ознакомилась.

– На этот раз у меня будет сразу четыре объекта? – поинтересовалась я, стараясь не выдавать иронии, невольно проявившейся в моем голосе.

– Все не так весело, чтобы ты еще и шутила, – недовольно сказал Кафаров, – у нас есть более чем достоверные сведения о том, что в Баку попытаются сорвать проведение конкурса «Евровидения».

– И вы уже собрали материал на четыре папки? – только спросила я.

– Уже сейчас у нас гораздо больше материалов, чем ты думаешь, – отрезал Кафаров, – повторяю, что все оказалось гораздо серьезнее, чем мы могли предполагать. И мы собираемся задействовать всю вашу группу.

Он никогда еще так не говорил. Вообще, он не любил, когда в разговорах вставляли подобные фразы. Он часто по-

вторял, что наша работа требует прежде всего беспристрастного и выдержанного анализа, а все превосходные эмоциональные степени нужно оставлять романистам.

– Ты будешь работать с одним человеком, – пояснил полковник, – это будет человек, которому ты должна помогать. А остальные три папки – это информация о людях и организациях, которым может не понравиться пребывание этого человека в нашей стране. Очень не понравится. И соответственно они сделают все, чтобы ему здесь было не очень удобно. Поэтому у тебя будет сразу две задачи. Охранять этого человека и помогать ему. И вообще, относиться к нему так, как будто он твой самый близкий родственник.

– Получается, что я буду его личным телохранителем, – все-таки ирония еще раз прозвучала у меня в голосе.

Полковник покачал головой:

– Ему не нужен телохранитель. Ему понадобится только помощник, чтобы ориентироваться в местных условиях. Хотя русским и турецким он владеет в совершенстве. И еще английским, французским, немецким, арабским, фарси. Возможно, знает еще несколько языков, о которых мы не знаем.

– В общем, он полиглот. Это я уже поняла.

– Чтобы совместить свою легенду с твоей, он прилетит сюда под видом известного литературного критика, как раз в соответствии с твоей специальностью. И никто не удивится, что именно ты, сотрудник института литературы, будешь работать вместе с ним.

– Вы заранее согласовали с ним эту легенду?

– Нет. Просто так получилось. В Европе он достаточно известен как литературный критик. Поэтому ваши легенды в какой-то мере пересекаются. Самое важное, что он специалист именно в области контртеррористической деятельности и может оказать нам существенную помощь именно на стадии подготовки к «Евровидению».

– Это я уже поняла. Как зовут вашего критика?

– Профессор Яков Гольдфарб. Слышала про такого?

– Не может быть, – растерянно произнесла я, – он действительно известный специалист по литературе девятнадцатого века. Я читала его статьи. Он очень известный ученый и достаточно популярен в Европе. Напрасно вы все это устроили. Весь замысел достаточно примитивен. Его фотографии наверняка есть в Интернете и в Википедии. А вы хотите заменить его каким-то другим специалистом, которого сразу разоблачат. По-моему, неразумно.

– Ты так считаешь? – Кажется, на этот раз ирония проявилась в голосе самого Кафарова.

– Во всяком случае, нужно было найти другого человека, под именем которого ваш специалист мог бы появиться в Баку. Настоящему Гольдфарбу должно быть лет сто или еще больше. Неужели вы не понимаете, что приехавший под его именем агент сразу себя разоблачит?

– Не все так однозначно, – загадочно заметил полковник, – когда познакомишься с ним, тогда все и узнаешь.

– В каком смысле? Фотографии Якова Ароновича Гольдфарба есть почти во всех учебниках литературы. Это примерно так, если бы мы объявили о приезде Шолома-Алейхема. Нужно было выбрать другое прикрытие.

– Ты все еще ничего не поняла, – усмехнулся Кафаров, – никакого прикрытия не будет. И никакой замены.

– Я вас не понимаю...

– Все очень просто. Приедет настоящий Яков Гольдфарб. Ему семьдесят четыре года, и он все еще в хорошей физической и интеллектуальной форме. И это тот самый Гольдфарб, чьи фотографии есть во всех учебниках по литературе.

Я несколько секунд молчу, соображая, что он мне сказал.

– У него есть брат-близнец? – это первое, что приходит мне в голову.

– Буйная фантазия при полном отсутствии логики. Если вы, уважаемая Кеклик Алиева, можете быть майором нашей службы и работать под прикрытием в литературном институте, то почему Яков Гольдфарб не может быть лучшим аналитиком МОССАДа и известным литературоведом? Одно совсем не исключает другого. Разведка его призвание, а литература – хобби. Или наоборот, я не знаю. Но он один из самых лучших аналитиков в мире и действительно очень известный ученый по истории литературы девятнадцатого века. Поэтому не удивляйся. К нам прилетит тот самый всемирно известный литературовед – Яков Аронович Гольдфарб. Можешь мне не поверить, но советская разведка и

Первое главное управление КГБ СССР потратили почти двадцать лет, чтобы только узнать имя Гольдфарба, хотя оно было во всех учебниках литературы.

Я снова несколько секунд перевариваю его информацию и спрашиваю:

– Можно вопросы?

– Давай.

– Зачем вся эта ненужная секретность? Если он вам настолько необходим как такой известный специалист, то вы можете его принять и без этой ненужной легенды. Выделить ему в качестве телохранителей группу офицеров из нашего спецназа или из личной охраны президента и выполнять все его рекомендации.

– Это первый вопрос или будут еще?

– Первый и самый важный. Зачем вообще нужна вся эта игра в литературного критика?

– Это не игра. Но на твой вопрос я могу ответить. Нам нужен очень сильный аналитик, каким является Гольдфарб. Который сумеет провести необходимый анализ ситуации и дать свои конкретные рекомендации по обеспечению безопасности. Мы обратились за помощью к Израилю, считая, что именно в этой стране лучшие специалисты по вопросам обеспечения безопасности. Почему мы не принимаем его официально, тоже все должно быть понятно. У нас нет никакой гарантии, что среди тех офицеров, о которых ты говоришь, не будет человека, который за крупные деньги мо-

жет сдать инкогнито нашего гостя. Когда о его приезде узнает сразу несколько человек, охранять его будет практически невозможно, а он приезжает сюда активно работать.

– Тогда получается, что о его приезде никто не знает?

– Никто и никогда не узнает, – поясняет мне Кафаров, – о нем знают только четыре человека. Что тоже много. Но это тот минимум, который и должен об этом знать. Между прочим, это было требованием самих израильтян. Наш министр, который получил сообщение о его приезде, в ответ на посланный запрос, начальник контрразведки генерал Кадыров и я. Больше никто. С гостем будет работать ваша группа. Так будет гораздо лучше. Только в этом случае я могу гарантировать его безопасность и самостоятельную работу, которой никто не сможет помешать.

– Можно еще вопрос?

– Хочешь спросить, почему мы с тобой вне подозрений? – ухмыльнулся Кафаров, словно заранее просчитавший мой вопрос.

– Просто интересно. Офицерам нашего спецназа вы не доверяете, считая, что там может быть провокатор, которому могут заплатить. А разве нам с вами не могут заплатить? Или нас считают бесребрениками? И настолько доверяют?

– Нет, не думаю. Наши циники справедливо считают, что купить можно любого. Необязательно за деньги. Есть много других форм оплаты. В наших случаях все несколько иначе. Моя форма оплаты – мое тщеславие. Ведь если мы сорвем

подготовку конкурса, то это будет мое личное и самое большое поражение. Никакие деньги не смогут возместить потерю моей репутации, и я полагаю, что об этом все знают. Теперь насчет тебя...

– Тоже тщеславие? – не выдержала я.

– Нет, конечно. Причем тут тщеславие? У тебя есть самый действенный стимул, который работает гораздо лучше денег, тщеславия и всего остального...

Я замерла. Неужели он осмелится сказать...

– Твоя дочь, – очень спокойно и цинично продолжал Кафаров. – Ты прекрасно понимаешь, что если ты сдашь своего гостя, то расплачиваться будут твои близкие. Это без вариантов. Мать, брат, дочь. И даже я не смогу ничего сделать. МОССАД не прощает таких предательств. В самом лучшем случае твоя дочь останется без мамы или вообще полной сиротой. Поэтому ты сто раз подумаешь, прежде чем сдать нашего гостя. И никакие деньги не перешибут этого материнского чувства. В этом я убежден.

– Вам не говорили, что вы нехороший человек? – гневно спросила я.

– Много раз, – согласился Кафаров, – но у нас с тобой такая профессия. Здесь уже ничего невозможно изменить.

– Можно еще вопрос?

– Можно. Чем больше ты задашь сейчас вопросов, тем меньше будешь задавать их потом.

– Почему мы обратились к израильтянам? Почему не к

американцам или русским? Наконец, почему не к туркам? У них тоже неплохие специалисты. Конечно, израильские специалисты – самые лучшие в мире, но раньше мы старались их не привлекать, чтобы не раздражать наших южных соседей.

– Ты должна уметь сама все вычислять, – недовольно говорит Кафаров, – это не тот случай, когда мы можем привлекать специалистов из ЦРУ или СВР. У каждой из этих организаций свои конкретные интересы в нашей стране.

– А у израильтян их нет?

– Есть. Еще какие. Но в данном случае наши интересы совпадают с их интересами. Мы имеет точные данные, что проведение конкурса «Евровидения» в нашей стране не понравится очень многим нашим южным соседям. Теперь все поняла?

– А израильтяне в первую очередь противостоят именно им, – словно рассуждая вслух, говорю я ему.

– Вот именно. Но твой подопечный будет как бы вне игры. Он аналитик, а не офицер спецназа. Кроме него, прибудет целая группа легальных специалистов из Тель-Авива. И еще несколько консультантов из Турции и Великобритании. Англичане готовятся к проведению Олимпиады, и нам будет полезно познакомиться с их опытом. Хотя масштабы, конечно, несопоставимые, но в обоих случаях угрозы более чем реальные.

– Ясно. Кто из моей группы будет знать о приезде «гостя»?

– Мы постараемся особенно не разглашать цели приезда нашего гостя и его истинные задачи. Учти, что всей полнотой информации будешь обладать только ты одна. Всю правду не будет знать даже руководитель вашей группы подполковник Бехбудов. И знаешь почему? Именно потому, что ты тоже проходишь по ведомству литературных сотрудников. Члены вашей группы будут знать, что ты опекаешь этого человека. И больше никаких подробностей. Только так можно обеспечить абсолютную безопасность и секретность. Ты меня понимаешь?

– Я понимаю. Но они догадаются, что он приехал не просто так.

– Безусловно. Они ведь работают с тобой уже несколько лет. Ариф тоже может все понять...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.